ПОНЯТИЕ *БОНГЕНД* В ПОРЯДКАХ ВЫПЛАТ ЗА УБИЙСТВО В СИСТЕМЕ ОБЫЧНОГО ПРАВА ОСЕТИН XIX СТОЛЕТИЯ

Ключевые слова: Северный Кавказ, адаты, убийства, кровная месть, композиции

В исследовании сравниваются порядки выплат за убийство, принятые среди осетин и других народов Северного Кавказа. Делается вывод о существовании в этих порядках двух различных видов композиций, выплачиваемых родственниками убитого родственникам убитого: выкупа своей крови и материальной компенсации за пролитую кровь. Предполагается, что первый вид выплат у осетин передавался словом *бонгенд*, обозначающим пахотную меру. Указывается, что почти полное отсутствие такой меры стоимости в расчетах выплат за убийство у ближайших соседей осетин (ингушей и кабардинцев) может представлять интерес для дальнейшего исследования.

DOI: 10.31857/S086954150000411-2

Известно, что в обычном праве народов Кавказа, и среди них осетин, единственным видом наказаний, применявшимся в отношении преступных действий, возмещаемых всем родом, были композиции — порядки коллективных выкупов, являвшиеся, по своей сути, “эквивалентом личного возмездия”, и призванные материально вознаградить потерпевший род со стороны рода обидчика в том случае, если первый соглашался на примирение (*Пфаф* 1872: 261–263; *Ковалевский* 1886б: 54–55, 169). В современной науке эти порядки полагаются “основным принципом...северокавказского обычного права” и интерпретируются как штрафы, выплачиваемые преступником и его родственниками как в пользу потерпевшего или его родных, так и в пользу всей сельской общины, достоинство которой могло быть оскорблено тем или иным преступлением (*Бобровников* 2002: 125). Платежи этих композиций могли производиться разными видами “ценностей” (скотом, рабами, землей, оружием, медною посудой, деньгами), а их величина зависела от социального статуса рода потерпевшего, вида совершенного преступления, а также от места проживания вовлеченных в кровный конфликт сторон. Однако повсюду на Кавказе своей наивысшей величины эти выплаты достигали за совершенное убийство (*Ковалевский* 1886б: 176).

В осетинском обычном праве одной из составных частей такого рода выплат был *бонгенд* — мера пахотной земли (*Абаев* 1958: 266), или полевая мера (*Гутнов* 2012: 83), представлявшая собой земельный участок или его равноценный эквивалент. Противоречивые сведения об обычно-правовом аспекте этого понятия делают необходимым его подробный анализ и сравнение со схожими понятиями или установлениями, представленными в адатах других народов Кавказа, благодаря чему возможно уточнение функционального значения двух видов композиций, выплачивавшихся при “кровных делах” об убийстве в различных областях Северного Кавказа.

В обычно-правовом аспекте впервые понятие *бонгенд* упоминается в “описании юридических обычаев осетин”, собранных членом Русского географического общества

Эдуард Викторович Казиев | <http://orcid.org/0000-0003-4386-248X> | kedmon@rambler.ru | научный сотрудник | Институт истории и археологии РСО-Алания (ул. Ватутина 46, Владикавказ, Республика Северная Осетия-Алания, 362025, Россия)

Этнографическое обозрение. 2018. № 4. С. 136–151. <https://doi.org/10.31857/S086954150000411-2>

© Российская академия наук | © Институт этнологии и антропологии РАН
ISSN 0869-5415 | Индекс 70845 | <http://journal.iea.ras.ru>

А. Яновским, и представленных во II выпуске сборника *Обозрение российских владений за Кавказом*, изданном в 1836 г. (Обозрение 1836: 194; Гутнов 2013: 50). Это описание, дословно, воспроизводится в части об адатах осетин II выпуска сборника *Адаты кавказских горцев*, составленного Ф.И. Леонтовичем и изданного в 1883 г. (Адаты 1883: 3). Сведения о понятии *бонганд*, представленные А. Яновским, выборочно цитируют М.М. Ковалевский, а вслед за ним и С.Р. Чеджемов, описывая обычно-правовые порядки выкупов, осуществлявшихся в случае посреднического примирения кровников (Ковалевский 1886: 70; Чеджемов 2012: 156).

Основная часть сведений А. Яновского о понятии *бонганд* сводится к следующему: в случае посреднического примирения кровников, “сверх платежа, определяемого медиаторами (третейскими судьями. — К.Э.), родственники убийцы при перемирии платят родственникам убитого бонган, т.е. подарок, состоящий из нескольких коров или баранов, и тем избавляются от преследования, хотя бы даже виновный и не исполнил решения медиаторов” (Обозрение 1836: 194). Далее у А. Яновского следуют пояснения о величине выплат за кровь относительно того, насколько “силен” был род убитого, где также упоминается понятие *бонганд*: “...за убийство старейшины знатного рода, кроме бонгана, определяется 18 коров и день пахания земли, стоящей вдвое, т.е. 36 коров; если же нет такого числа коров или земли, то по этой цене берется другим скотом, оружием, медной посудой и даже малолетними детьми, и в таком случае за мальчика вычитается до 36 коров, а за девочку, смотря по ее летам и красоте, от 18 и также до 36 коров” (Там же). Далее А. Яновский отмечает, что в случае побега убийцы мститель, по желанию, имел право “забрать его имение и семейство, исключая однако жены”, а также указывает на то, что “даже родственники не избавляются от платежа бонгана” (Там же: 195). Последнее положение не представляется удивительным, поскольку, согласно тому же А. Яновскому, платеж *бонганда* избавлял родственников убийцы от кровомщения (см. выше). Все эти положения повторяются в сборнике адатов Ф.И. Леонтовича (Адаты 1882: 3–4).

М.М. Ковалевский, описывая понятие *бонганд*, также указывает, вслед за А. Яновским, на то, что “двор бежавшего”, независимо от обязательного платежа *бонганда*, платил потерпевшей стороне причитающуюся ей плату за кровь, чтобы избежать потери имения, “которое вместе с семейством бежавшего” был “вправе забрать обиженный” (Ковалевский 1886б: 70), включая и имение “неразделенных братьев” убийцы (Обозрение 1836: 195). По мнению М.М. Ковалевского, “забор семейства, сопровождаемый его закабалением, является не более как средством удовлетворить обиженный двор в полном размере следуемой ему платы” (Ковалевский 1886б: 71–72). Получается, что при побеге преступника отсутствие выплат за кровь могло привести к разорению его имения или имения всего его “двора”, т.е. имения, разделяемого с ближайшими родственниками. Очевидно, что случаи побега бывали частыми, поскольку убийство кровника считалось священным долгом родственников убитого (Обозрение 1836: 192). Однако выплаты за кровь вносились по решению посреднического суда, разбирательство в котором могло происходить только с согласия кровно враждующих сторон на примирение (Там же; Казиев 2017: 77).

Также остается не вполне ясным, что именно в перечисленных А. Яновским обоих порядках кровных выплат (рядовом и при убийстве старейшины знатного рода) есть *бонганд*, поскольку в переводе на русский язык с осетинского слово *бонганд* как раз и есть “дневная запашка”. Название этой меры площади происходит из сложения слова *bon* (“день”, “свет”, “сила”, “богатство”) и *kaen*, основы глагола *kaenun* в *хвут каенун* (“пахать”) (Абаев 1958: 266–267; Дзадзиев и др. 1994: 40; Гутнов 2012: 83). С. Каргинов без малого восемьдесят лет спустя после публикации А. Яновского описывает *бонганд* не только как подарок лошады, деньгами или “по своему усмотрению”, но и как “пахотный участок”, который, как и прочие перечисленные виды подарка, родственники убитого могли вернуть, в свою очередь, как подарок “матери или детям убийцы” (Каргинов 1915: 199). Заметим, что полное название этого понятия на дигорском диалекте осетинского языка будет *тоги бонцау* (Гутнов 2012: 84) (дословно — *кровный/кровоавый бонцау*), из чего можно предполагать его полную форму и на иронском диалекте — *туджы бонганд*.

Некоторое пояснение этих положений можно найти в том же II выпуске *Сборника адатов* в разделе *Древние обряды дигорского общества*, сведения которого были собраны под руководством “начальника центра кавказской линии, генерал-майора, князя Голицына” в 1843 г. (Адаты 1882: 59, 60). Согласно этим сведениям, “если до схоронения убитого родственники его, при набегах на виновного, захватят добычу, то разделяют ее между собою независимо от уплаты за кровь” (Адаты 1883: 38). То есть обязательный платеж *туджы бонгаенд/тоги бонцау* мог избавить родственников убийцы от смерти, но не избавлял их общее с ним имение от разорения, которое, впрочем, могло произойти даже в случае “уплаты за кровь”, если осуществлялось “до схоронения убитого” его родственниками.

Согласно сведениям В. Пфафа, возможному примирению враждующих родов предшествовало “перемирие”, во время которого “сторона преступника посылала противной стороне... в подарок быка, корову или известную сумму денег”. После этого “враждующие стороны имели право свободно ходить по аулу”, за исключением непосредственного убийцы (*Пфаф* 1872: 261). Кроме того, если случалось примирение, то производились компенсационные выплаты, соответствующие цене крови убитого — *туз фидын* (“платить за кровь”). Основу *фид-* имеет и слово *фидыд*, обозначающее примирение кровнорваждующих родов (*Дзадзиев и др.* 1994: 166). В.И. Абаев выводит *fidyd* из *fi-dalfe-da-<*pati-dā* — буквально “давать взамен”, “возмещать”, этимологически уравнивая *fidyd* (“платить”) и *fidawyn* (“мириться”), отмечая, что значение “мириться” могло развиться из значения “возмещать” — “возмещения врагу за причиненный ущерб” (*Абаев* 1958: 471, 474). Заметим, что выплаты по возмещению были больше выплат по выкупу крови родственниками убийцы, устанавливались, как уже замечалось, третейским судом, а их точная величина у осетин никогда не была известна роду убийцы и делилась на части, о составе и величине каждой из которых плательщики узнавали непосредственно перед временем совершения выплаты (*Пфаф* 1872: 262, 271).

Функционально выплатам, называемым у осетин *туджы бонгаенд/тоги бонцау*, соответствует такой вид выплат, как *алым/алум/юалум*, имеющийся у тюркоязычных (и не только, см. ниже) народов Кавказа. *Алым*, по-кумыкски “взятое”, — слово, обозначающее имущество или его денежный эквивалент, взыскиваемое родственниками убитого с убийцы и его родственников *вскоре после* совершения убийства (Адаты 1868: 29). С.А. Лугуев и М.Б. Гимбатова переводят это понятие как “цена крови” (*Лугуев, Гимбатова* 2012: 65). В карачаево-балкарском языке *алым* также значит “выкуп”, “плата” (*Гочияева, Суончев* 1989: 56). Почти во всех тюркских языках это слово этимологически восходит к глагольной основе *ал-* с рядом значений “брать”, “взять”, “захватывать” и т.п., а также имеет семантическую связь с понятием долга: ср. *алымчы* (“должник”) (*Севортян* 1974: 127–128). Заметим, что содержание понятия *алым*, представленное в публикациях адатов, также противоречиво, как и содержание осетинского понятия *бонгаенд*.

Так, согласно *Сведениям о величине калыма и о штрафах, налагаемых согласно определения адата у кумыкских народов 1849 года* (Адаты 1882: 66), убийца, по совершении преступления, немедленно должен был оставить свое место жительства, а его семейство, оставаясь на месте, делало “родственникам убитого честь (*юалум*)”, посылая им 13 рублей серебром. Этот платеж не избавлял родственников убийцы от другого платежа, делавшегося ими в складчину, и величина которого для них могла составлять от 3-2 рублей до 25 или 10 копеек серебром в зависимости от степени родства (Адаты 1883: 204; Законы 2007: 162). Согласно *Сборнику адатов жителей Кумыкского округа 1865 года*, если родственники убитого соглашались на примирение, то им родственниками убийцы делалась “честь”, выражаемая в выплате *алыма*, участие в котором было обязательно “только для родственников убийцы”. Если *алым* принимали, то ответчиком перед родом убитого оставался один убийца, родственники же его в таком случае избавлялись от кровной мести. Того из родственников убийцы, кто не желал принять участие в выплате *алыма*, родственники убитого имели право убить (Адаты 1872: 6–7; *Леонтович* 1883: 214; *Алибеков* 1927).

У части южных кумыков, как и у азербайджанцев и терекменцев, *алым* назывался *шариат-ахча* (*Лугуев, Гимбатова* 2012: 65) и выплачивался в сумме от 4 до 6 рублей сразу

вслед за убийством, после чего убийца с несколькими родственниками (от 4 до 7) отправлялся в *канлы* (изгнание) на 40 дней, по прошествии которых стороне убийцы разрешалось начать обряд примирения. В Каракайтагском магале назначенные в *малканлы* родственники убийцы также могли не оставлять своего селения, но в таком случае каждый из них должен был уплатить родственникам убитого по 8 рублей (Адаты 1875: 33–34, 42, 46, 48). Интересно, что в Гамринском магале родственники убитого даже после получения *шариат-ахча* выходили “с оружием в руках” и нападали “на дом убийцы”, а общество уговаривало “обиженных” взять “от убийцы одного быка” и сложить оружие. Если случалось примирение, то “за кровь платилось от 50 до 300 рублей” (Там же: 51).

Следует заметить, что в адатах кумыков ничего не говорится про обычай разорения имения убийцы родственниками убитого. Однако такого рода обычай под названием *ходатеж* или *ульдж* зафиксирован у других тюркоязычных народов Северного Кавказа – балкарцев и карачаевцев. Согласно *Адатам малкарцев (балкарцев), хуламцев, чегемцев, урусбиевцев и карачаевцев 1844 года*, родственники убитого до его похорон могли сделать набег на дом убийцы и его кутаны (зимние пастушеские стоянки) с тем, чтобы забрать “все, что успеют, в свою пользу”. При определении выплат за кровь, в случае примирения, взятое имущество не полагалось “даже в цену” (Кавказ 2010: 163, 170–171). Данный обычай можно сравнить с общетюркским обычаем *барымта/баранта* (от общетюркской основы *бар- “иметься”, “наличествовать”, “существовать” [Севортьян 1978: 61–62]) или с обычаем *шикиль* (от шумерского *še* “зерно” через аккадское *siqlu*, ср. рус. *сикль/шекель* [Dilke 1987: 46; Аларов 1988: 230]), распространенным в Дагестане, однако такое сравнение требует отдельного исследования, поскольку оба этих обычая насильственного захвата имущества связаны в первую очередь с невыплатой взятых долгов (Ковалевский 1890: 131–132; Магомедов 1969: 62; Аларов 1988: 159).

В адатах многочисленных обществ Нагорного Дагестана, восходящих к средневековым и позднесредневековым кодексам его различных владетелей или обществ (Адаты 1863: 9; Бобровников 2002: 120) и имеющих во многих обществах схожий порядок (Карпов 2007: 169), величина *алыма* была также “до крайности разнообразна”, и почти в каждом селении там был свой особый *алым*, который мог взыскиваться за убийство, как и за любое другое преступление, “деньгами или имуществом”, поступая в пользу “владетелей, правителей и общества” (Адаты 1868: 21, 29). В случае примирения *алым* не возвращался (Там же: 31). Любопытно, что в некоторых селениях хиндалалского (койсубулинского) общества, “кроме алыма, родственники убитого имели право грабить и разорять движимое и недвижимое имущество убийцы в течение трех лет”. В адатах Андийского округа, за исключением Дидойского наибства, “вместо алыма”, как пишет А.В. Комаров, “родственники убийцы должны были выдать родственникам убитого быка и саван”, а дом и имущество убийцы подвергались “разграблению родственниками убитого в течение 3-х дней” (Там же: 30–31). В селении Тинди, “сверх того”, еще взимался “алым с родственников убийцы в 180 руб.” (Там же: 31). В Технучальском наибстве того же округа величина этого платежа составляла, не считая обычного быка и савана, 200 рублей: 100 рублей взыскивалось в пользу родственников убитого в день примирения и еще 100 рублей получали наследники убийцы (Законы 2007: 110). Заметим, что после устройства окружных управлений “разграбление домов и имущества было запрещено”, а взамен этому порядку был “установлен алым деньгами” (Там же).

В обществах Даргинского округа с обвиняемого взыскивался *алум*, величина которого была небольшой, но он всегда взыскивался в пользу наследников убитого, а также ближайших родных, обязанных, прежде других родственников, мстить за кровь (Адаты 1899: 135–136, 158, 177, 198, 243). Заметим, что согласно “частным” адатам акушинского, балхарского и цумиканского обществ, родственникам убитого, не получавшим *алыма*, выплачивался один бык, но только в том случае, если убийство было “сделано открыто в деревне и родственники эти вышли на место убийства с оружием”. Кроме того, если убийца умирал до примирения, то его родственники должны были выплатить родственникам убитого одного быка и 12 кусков бумажной материи, а до осуществления этой выплаты *канлы* (кровником) считался ближайший родственник уби-

того (Там же: 115, 117). В цудахарском обществе выплаты *алыма* не избавляли от разорения имение родственников убийцы – все их недвижимое имущество (включая скот) могло быть захвачено и перейти в пользу рода убитого (Там же: 243). Очевидна близость этого порядка порядку действий в отношении родственников убийцы и их имущества, принятому среди осетин-дигорцев, а также среди балкарцев и карачаевцев: выплаты *алыма* выкупали кровь ближайших родственников убийцы, но не защищали их общее с ним имение от захвата потерпевшей стороной.

Следует сказать, что во многих местах Дагестана (в Табасарани, Дидойском, Анцухо-Капучинском и Богнадинском наибствах, в Гидатле и некоторых селениях Гунибского округа, в Кюринском, Казикумухском, Самурском округах и пр.) *алым* заменялся *диятом*. В Дагестане это понятие известно с первой половины XIV в. (*Бобровников* 2002: 113–116; 2009а: 90–92) и происходит от арабского *дийя* (“вознаграждение”) – условная плата, за которую лица, имевшие право на кровомщение, соглашались простить убийцу. Эта норма была широко распространена в обычном праве арабов в доисламское время и впоследствии была воспринята исламом и утверждена Кораном (*Ковалевский* 1886б: 12; *Боголюбов* 1991: 69). Шариат не отрицал право мести, но настаивал на замене крови штрафом и не одобрял распространение мести на родственников убийцы (*Дмитриев* 2006: 77). При таком порядке для родственников убийцы исчезала необходимость выкупа своей крови, но оставались материально-компенсационные выплаты, *дийя*, которые, однако, могли иметь место только в том случае, если ближайшие родственники убитого отказывались от своего законного права мстить убийством (*кызас*) (Там же: 77). По этой причине *дият* мог уплачиваться только после соглашения о примирении.

Впрочем, это правило не соблюдалось в тех же “Дидойском, Анцухо-Капучинском и Богнадинском наибствах, а также в Табасарани, Гидатле и Глейсерухе”, где такого рода плата взыскивалась вскоре после убийства, тем самым отличаясь от *алыма* только по названию (Адаты 1868: 31). Величина *дията*, как и величина *алыма*, также была различной и большей частью зависела от условий примирения. С устройством окружных управлений в некоторых округах *дият*, взимавшийся обыкновенно различными вечами, был, как и *алым*, переложен на деньги (Там же: 32). В некоторых обществах Андалальского наибства убийца выплачивал “наследникам сумму, необходимую на покупку савана”, давал быка, и отправлялся в изгнание (*канлы*), а “в *дият*”, если происходило примирение, он платил от 100 до 250 рублей различными “ценностями” (Адаты 1899: 274–275). Такой же порядок был принят в отдельных обществах Куядинского, Тилитль-Гидатлинского и Глейсерухского наибств, а также в Бахлухском и Цатаныхском наибствах Аварского округа (Там же: 302, 334–335, 386–387, 471).

Заметим, что в Кайтаго-Табасаранском округе, в ряде обществ Даргинского округа, а также в некоторых местах Западного и Среднего Дагестана *алым* и *дият* взыскивались вместе. Там, где при совершении убийства брался только *алым*, в случае примирения *дият* заменялся угощением и подарками родственникам убитого (Адаты 1868: 33).

Здесь следует пояснить, что некоторые современные исследователи не видят различия между *алымом* и *диятом*, полагая, что оба эти понятия означают штраф, представляющий собой материальное возмещение за кровь и выплачиваемый родственникам убитого стороной убийцы (*Бобровников* 2002: 57; 2009а: 233; 2009б: 47; *Исмаилов, Багомедова* 2012: 46:). Однако И.Я. Сандрыгайло и Х.-М. Хашаев различали эти понятия, полагая под первым (*алым*) штраф, взимавшийся с родственников убийцы вскоре по совершении убийства, а под вторым (*дият*) – плату за кровь, возмещение, вносимое убийцей за убитого (Адаты 1899: 20; Законы 2007: 196). Кроме того, по мнению И.Я. Сандрыгайло “существенная разница между *алумом* и *диятом*” состояла в том, что первый уплачивался до изгнания в *канлы* и имел характер издержек на погребение и поминки; *дият* же уплачивался после возвращения изгнанника из *канлы* и служил “адатным примирением, избавлявшим от необходимости кровной мести” (Адаты 1899: 20). В этом смысле *алым* совершенно идентичен осетинскому *туджы бонгенд/тоги бонцау*. Тогда как *дият* можно сопоставить с выплатами *туг фидын*, поскольку обе эти выплаты были материальным возмещением противостоящему роду за кровь его члена.

В опубликованных адатах осетин-дигорцев, балкарцев с карачаевцами ясно видно, что при отсутствии этих выплат имущество виновного могло подвергнуться захвату вместе с его семьей; такой же порядок, как показано, существовал и в некоторых обществах Нагорного Дагестана.

Различие в содержании между этими понятиями (*алым* и *дият*) обычного права, имевшими многосотлетнее хождение на Северо-Восточном Кавказе, начало исчезать при имаме Шамиле, который, жестко устанавливая нормы шариата в подвластных ему областях, “строго запретил кровомстителям обращать свою месть на родственников убийцы”, объявив “неисполнителей этого послушниками против Корана... подлежащими смертной казни” (*Руновский* 1860: 213). Также Шамиль запретил разрушать дом убийцы, чтобы “не отнимать у ответчика средств к уплате за пролитую им кровь” (Там же: 214). Выплаты за кровь (*дият*), по мнению имама, как и согласно предшествующему порядку, были более предпочтительными, чем убийство обидчика, но “родственнику убитого мог” на свое усмотрение “управиться с убийцей, т.е. или убить его, или взять цену крови, не обращаясь к посредничеству начальства” (Там же: 210, 214). Другими словами, именно со времен имамата у родственников убийцы исчезла необходимость выкупать свою кровь путем внесения выплат, предполагавшихся сразу по совершении убийства, однако необходимость внесения материальной компенсации потерпевшей стороне осталась. В дальнейшем уже русское правительство, введя в 1860 г. в регионе режим военно-народного управления, просуществовавший вплоть до крушения империи (*Бобровников, Бабич* 2007: 203), не допускало к применению в народных судах совершенно архаичных уголовных норм адата, запретив адат, разрешавший трехдневное разграбление имущества убийцы, и приравняв к убийству с отягчающими обстоятельствами кровную месть. Вместо кровной мести и разграбления имущества устанавливались выплаты денежных композиций “по адату”, осуществлявшиеся “при посредничестве сельских мулл и российских офицеров в округах” (Там же: 194). Следствием этого стало то, что уже со второй половины XIX в. *бонгаенд*, *алым*, *дият* и *шариат-ахча* стали восприниматься просто как разные названия одних и тех же штрафных материальных выплат за кровь, присущих различным кавказским народам.

В этом контексте интересно отметить некоторые сведения о вайнахских обществах, представленные в *Выписке о правах и обычаях чеченцев Владикавказского военного округа 1849 г.*, согласно которой адаты ряда вайнахских обществ (назрановского, карабулакского, джераховского, галгаевского и кистинского) позволяли убийце избежать кровной мести в течение года, если им или его родственниками потерпевшей стороне производились выплаты в размере от 3 до 12 коров и нескольких баранов. Однако во всех перечисленных обществах по истечении годовичного срока родственники убитого убивали своего кровника (Адаты 1883: 115, 117–119). Любопытно, что при такого рода “кровных делах” кистин с галгаевцами, кроме годовых выплат с обеих сторон в 12 коров и 3 баранов, ближайший родственник преступника также платил еще 5 коров, независимо от уже уплаченных, и все родственники, если только они не хотели стать жертвами кровной мести, следовали этому же порядку с уменьшением выплат в зависимости от степени их родства с преступником (Там же: 119). Согласно *Сведениям о величине калыма и о штрафах в обществах чеченских и кумыкских племен* от 1849 г., у ауховцев, салатавцев и ичкеринцев величина выплат за кровь была различной, но во всех трех обществах эти выплаты также распределялись между родственниками убийцы, а величина этих выплат, вносимых каждым из них, была тем больше, чем большей была степень их родства с убийцей (Там же: 130). Здесь очевидна тождественность этого порядка с порядком выкупа крови, принятым в адатах кумыков. Заметим, что близость адатов чеченцев и кумыков в отношении кровной мести и порядка возможного примирения отмечалась уже составителями сборника адатов (Там же: 195, 215). В *Кратком описании обычаев, существующих между туземцами Ингушевского округа 60-х годов*, 12 коров называются *хьелам* (“похоронными”) и указывается, что выплачивались они в галгаевском обществе с назрановским и горским участками (Там же: 148). Заметим, что слово *хьелам* в ингушском языке означает “предварительную выплату части денег по кровной мести”, а также

“плату за снятие осады” (Бекова и др. 2009: 788). В карабулакском (орстхойском) обществе было принято платить всего три “похоронных” коровы, которые назывались *агер мерчи* (“жертвой на саван”), но все они должны были быть тельными и стоить по 12-13 рублей каждая (Адаты 1883: 148, 154). Платой в 12 обязательных “похоронных” коров обычно, по выражению автора *Краткого описания*, покупал “человеку жизнь на один год”, как и в 40-е годы XIX в. Кроме того, как и тогда, если случалась “неустойка”, то возвращалась “только взысканная плата”. Не взыскивалась “похоронная плата” лишь за убийство кровника (Там же: 150).

Как видно, в вайнахских обществах также имелись выплаты, представлявшие собой по сути выкуп своей крови родственниками убийцы у родственников убитого. Следует заметить, что если враждующим сторонам удавалось договориться о примирении, то родственники убийцы делали еще одни выплаты, величина которых была уже совсем другого порядка. К примеру, согласно упоминавшейся *Выписке...1849 г.*, за убийство мужчины, случившееся между кистинским и галгаевским обществами, полагалось заплатить 130 коров, а за убийство женщины – 90. После этого преступник освобождался от кровной мести (Там же: 119).

Для относительной завершенности картины следует представить сведения о выплатах за кровь, бывших в ходу у адыгских народов, однако опубликованные источники по обычному праву черкесов и кабардинцев не содержат развернутой информации по данному вопросу и ограничиваются общим описанием принятых порядков, не отличающихся от порядков, принятых при “кровных делах” среди других племен Северного Кавказа, но различающихся между собой (по частям композиций, их величине, составу участников и т.п.) в отношении князей, узденей, свободных общинников и представителей прочих сословий, если таковые имелись (*Bell* 1840b: 241; *Bell* 1974: 520; Адаты 1883: 234, 257–261, 263–264; *Бобровников* 2002: 58; Кавказ 2010: 85, 88, 98–100, 133–134, 151). Полными сведениями о кровных выплатах не располагали, по их собственным замечаниям, ни Н.Ф. Грабовский (*Грабовский* 1870: 21), ни составитель сборника *Адаты черкесов бывшей Черноморской кордонной линии* от 1849 г. войсковой старшина Кучеров (Кавказ 2010: 93). Сведения, представленные Т. Лапинским, также не отличаются точностью и содержательностью (*Лапинский* 1995: 95). Впрочем, некоторые подробности порядка решения “кровных дел” у адыгов в литературе все же имеются.

Д.С. Белл, проживший среди черноморских убыхов с 1837 по 1839 гг., со слов судьи Хаджи Измаила из Адагума и других судей, пишет об уравнивании штрафных выплат за убийство между знатью и простолюдинами во всей Черкесии вплоть “до самых дальних кумыков”, составлявших 200 быков, что было сделано “в согласии с установлениями Корана” и распространялось даже на цену крови чужестранцев, которым оказывали гостеприимство (*Bell* 1840a: 178, 203; 1840b: 243; *Bell* 1974: 521). Также он отмечает, что каждое “братство” должно было помогать, в установленных долях, выплачивать штрафы за убийство, если к таковым приговаривался кто-либо из членов семей, входящих в это “братство” (*Bell* 1840b: 237; *Bell* 1974: 519). Выплаты, получаемые потерпевшим “братством”, делились между всеми его членами, и ближайшие родственники убитого получали из этих выплат лишь немногим более, чем остальные члены “братства” (*Bell* 1840a: 203). Убийце или его семье давался большой срок для производства выплат, но если выплаты затягивались или в установленный срок вовсе ничего не выплачивалось, то виновного могли убить или подвергнуть какому-то другому суровому наказанию (Там же: 202).

Поясним, что у адыгов кровное родство определяется по мужской линии, связывая потомков одного прародителя, “разошедшихся от одного очага”. У кабардинцев такая родственная группа называлась *Лыбын* (“потомки одного мужчины”) или *унэкъуэц* (“братья по дому”), причем среди последних различались *унэкъуэц благэ* и *унэкъуэц жыжыжэ* – ближняя и дальняя родня соответственно (*Мускаев, Перишц* 1992: 60). Л.И. Лавров, приводя сведения Д.С. Белла “о крупнейшем убыхском роде Берзеков” в своем описании социального устройства убыхов, сравнивает этот род с большим патриархальным родом, живущим “рассеянными большими семьями”, ведущими самосто-

ательное хозяйство (Bell 1841: 450; Лавров 2009: 56). Не будет ошибкой видеть в адыгском “братстве” Д.С. Белла патронимию (если использовать терминологию М.О. Косвена), состоявшую из нескольких больших и малых семей, выделившихся из одной большой и являвшихся самостоятельными единицами, но сохранявшими в некоторых отношениях свое хозяйственное, общественное и идеологическое единство (Косвен 1961: 32). Адыгское “братство” можно отождествить с дагестанским *тухумом*, тюркской и вайнахской *тайпой*, представлявшими собой семейно-родственные группы, члены которых должны были, кроме прочего, участвовать в кровомщении или разделять выплаты за убийство (Карпов 2007: 163, 166; Магомедов 1969: 300; Мамакаев 1973: 22, 29–30). Добавим, что у осетин патронимия называлась *уу фыды фыртта* (“дети от одного отца”) или *уу артай баццарга* (“от одного очага разделившиеся”), члены которой также участвовали в “кровных делах”, производя выплаты или осуществляя мщение (Калоев 2004: 290, 293); кроме того, семейные общины у осетин могли иметь братскую структуру, существуя в форме “братских семей” (Магомедов 1974: 161–162).

Здесь следует указать на то, что у адыгов Кубанской обл. “кровью за кровь отвечало” только семейство убийцы, а выплаты за кровь, если случалось примирение, производил весь род (Кавказ 2010: 99), хотя Ш. Ногмов писал, что “в случае убийства или нанесения раны” адыги (кабардинцы) мстили “не только виновному, но и всему его роду” (Бекмурзин-Ногмов 1861: 34). Родственники убитого могли подвергнуть разорению имение убитого и его семьи (сжечь хлеб, саклю), чтобы, как утверждает автор *Этнографического очерка черкесского народа* 1849 г. барон К.Ф. Сталь, вынудить “обидавшее их семейство...просить через посредников мира и заплатить обиженному условленную обычаем плату за кровь” (Кавказ 2010: 99). В случае убийства своего узденя *пшехао* (дворовой князя, пожалованный им в уздени) князь мог забрать семейство убийцы и его имение в уплату за кровь, если убийца не располагал собственными достаточными средствами для внесения предусмотренных в таком случае выплат, которые были очень высокими (Там же: 151). Разорение имения кровника также практиковалось между кубанскими адыгами и ногайцами (Там же: 99, 118–119). Кроме того, в случае примирения враждующих родов, в Кабарде, как и в областях различных дагестанских владетелей, князь (*пши*) выступал посредником (Там же: 145), и совершивший преступление “должен был не только удовлетворить род потерпевшего, но и заплатить штраф в пользу князя” (Ладыженский 2003: 187; Гутнов 2012: 96–97). Добавим, что и в Осетии привилегированные сословия тагаурских алдаров и дигорских баделей свое право “верховой юрисдикции” также “осуществляли путем взимания с уголовных преступников штрафов в свою пользу”, тогда как само разбирательство дел оставалось за выборными судьями (Ковалевский 1886а: 46).

К.Х. Унежев отмечает, что по совершении убийства виновный должен был оставить свой дом и скрыться в чужой общине, а если он оставался в доме, “то ответственность распространялась не только на его близких родственников, но и на других членов его рода, и даже на всех представителей его общины”. Также он указывает на существовавшую возможность для убийцы “остаться дома”, но только в случае выплаты семейству убитого цены раба. Эта выплата так и называлась — *унзимык/ытццэ* (“плата за право оставаться дома”). После этого при помощи посредников могло быть достигнуто мировое соглашение, предполагавшее принятие семейством убитого платы “в цену крови (*лыу уасэ*)” (Унежев 2003: 388). Присутствие в адыгском языке специальных терминов, обозначающих такого рода порядки, позволяет с уверенностью констатировать не только наличие и использование в обычном праве адыгов выплат, предусматривающих выкуп крови родственниками убийцы и материальную компенсацию роду убитого, но также показывает и совершенно недвусмысленное различие этих понятий.

Впрочем, с началом распространения среди адыгов суда по шариату, происходившему с первых лет XIX в. (Грабовский 1870: 7), у родственников убийцы, как и в Дагестане, стала исчезать необходимость выкупать свою кровь сразу по совершении убийства, однако необходимость внесения материальной компенсации потерпевшей стороне оставалась. Известно, что если мститель встречал на дороге своего “противника”,

то последний мог крикнуть: “Шариат!” – и в таком случае мститель уже не имел права убивать своего кровника (Там же: 21). Можно полагать, что произнесением этой однословной формулы убийца или его ближайший родственник обозначал свое намерение судиться по шариату, т.е. заплатить *дият*, хотя сам этот термин нигде в источниках по обычному праву адыгов не употребляется.

Для нас интересным представляется также то, что в некоторых кавказских адатах частью композиционных выплат (независимо от их названия) являлись земельные участки. Так, в Южной Табасарани составной частью *дията* был “участок пахотной или покосной земли”, а в селениях Мачар, Каяда и Кабосида Гунибского округа такой частью было “место для посева 4 саб хлеба” (Адаты 1868: 32). В Хюракинском обществе Даргинского округа частью выплат *алыма* было пахотное место, стоившее 32 рубля (Там же: 30). В обществе Томс в выплаты за кровь входил участок пахотной земли “в 12 мер” (Там же: 32). Земельный участок пахотной земли упоминается и у адыгов, представляя собой “25 тулуков пустопорожней земли”, равнявшихся стоимости “крепостного мальчика, не моложе 12 лет” или 15 быков. Интересно, что он (участок) полагался за убийство простого человека вместе с “парой волов с арбою” (Адаты 1883: 264; Кавказ 2010: 88).

Следует заметить, что *туджы бонгенд* как понятие обычного права не упоминается в осетинских адатах, относимых в *Сборнике адатов* под редакцией Ф.И. Леонтовича ко времени после 1836 г., однако во всех них имеются сведения о пахотном участке земли, являющемся частью композиционных выплат при выплатах за убийство во всех осетинских обществах, перечисленных в указанном сборнике. Такого рода сведения также имеются в III главе упоминавшейся *Выписки 1849 г.*, где говорится, что за убийство *фарсаглага* (свободного общинника) “без различия пола и возраста, платили 324 коровы”, и кроме этой платы и угощения виновные также платили композиции, одной из частей которых были “три загона земли или 36 коров” (Адаты 1883: 42). Можно предполагать, что “три загона земли”, равные по стоимости 36 коровам, есть день “пахания земли”, как следует из адатов осетин, предстательных А. Яновским в 1836 г. (Обозрение 1836: 194; Адаты 1883: 3; см. выше). В денежном же эквиваленте такой пахотный день составлял 180 рублей, если каждую из 36 коров “считать в 5 руб. серебром”, как это указывается в рассматриваемой *Выписке 1849 г.* (Адаты 1883: 40). “Трехдневная пахотная земля” также указана в *Выписке 1849 г.* как часть значительных по общей сумме композиций (порядка 2400 руб.), прежде выплачиваемых владельцу за убийство принадлежавшего ему *кавдасарда* (“рожденный в яслях”), т.е. его крепостного (Там же: 43).

В документах, представляющих осетинские адаты второй половины XIX в., также имеются сведения об участке земли, выплачиваемом как часть композиций за кровь. Так, согласно *Сборнику обычаев (адатов), существующих у туземцев осетинского округа 1866 года*, у осетин-дигорцев “низшего сословия” земля указана как часть выплат “разным имуществом” общей стоимостью “в 1400 руб. сер.” (Там же: 64). В том же *Сборнике 1866 г.* указывается, что “у тагаурских алдаров” земля была одной из частей “полной кровной платы за убитого алдара”, составлявшей в общем “240 быков, ценою каждый бык в 10 руб.”, т.е. 2400 рублей (Там же: 65). У *фарсаглагов* и *кавдасардов* того же тагаурского общества “полная кровная плата полагалась в 320 коров (цена коровы 5 рублей)” и земля также была ее частью (Там же: 65). Те же суммы кровных выплат указываются в *Сборнике 1866 г.* для куртатинского общества (Там же: 66). Участок пахотной земли в 120 рублей также был частью выплат за кровь в наро-мамисонском обществе (Там же). Кроме того, по сведениям М.М. Ковалевского, собранным им “на месте”, частью композиционных выплат за кровь было “пахотной земли столько, сколько можно вспахать в два дня подряд” (*Ковалевский* 1886: 177).

Сведения об использовании понятия *бонгенд*, представляющего пахотный участок или его ценностный эквивалент в третейских разбирательствах “кровных дел”, можно обнаружить в книге английского путешественника, журналиста и предпринимателя Д.Ф. Бэддли, часто и продолжительно посещавшего Центральный, Восточный и Юж-

ный Кавказ в конце XIX – первые годы XX столетия (Казиев 2014: 19). Так, рассказывая о своей поездке по Куратинскому ущелью, совершенной в конце сентября 1901 г., Д.Ф. Бэддли упоминает некоего Тотырбека Марзаганова, в доме которого он останавливался на ночлег в селении Харисджин и который “был очень востребован как посредник в спорах” (Baddeley 1940: 161). В тот год по делу о непредумышленном убийстве вместе с пятью “оценщиками” (*assessors*) Т. Марзаганов вынес решение “о выплате в общем 1000 руб., из которых 400 руб. были наличными деньгами; к 100 руб. приравнивалась лошадь с седлом; также к 100 руб. приравнивалось обустройство могилы; к 50 руб. – бык, и еще к 50 руб. приравнивалось 10 овец – последние два пункта составляли жертвоприношение на похоронной церемонии; а также столько земли, сколько мог бы вспахать один человек упряжкой волов от заката до рассвета – это называлось *бонган*” (Там же: 162).

Заметим, что уже шумеры называли полем площадь как меру поверхности (Емельянов 2001: 154–155). Дневная запашка использовалась как земельная мера также у других народов: ср. с грузинским *dǧiuri<dǧe* (“день”) или с немецким *Morgen* (“мера земли” < *Morgen* “утро”). Кроме того, и в Осетии мера *бонгенд* использовалась при обычных подсчетах земельной площади (Абаев 1958: 266–267). Д.Ф. Бэддли сравнивает осетинское понятие *бонгенд* с древнеримским понятием *jugerum* (Baddeley 1940: 162). Согласно Плинию Старшему, словом *jugerum* или *juger* (от лат. *jugo* “ярмо”, “упряжка”) в Древнем Риме называлась мера поверхности, использовавшаяся для измерения полей и равная такой площади, которую за день можно было вспахать одной упряжкой волов (*uno iugo*). *Югер* представлял собой прямоугольник площадью 28800 кв. римских футов, 2518,2 кв. метра или 554 кв. сажени (Plini Secundi, Lib. XVIII, cap. III, sect. 3; Обнорский 1904: 280). Ф.Х. Гутнов приводит сведения разных авторов о размере участка земли, обозначавшегося словом *бонгенд/бонцау*, называя площадь, равную 300, 624–800 и 1024 квадратным саженим, и отмечая, что участок в 1024 квадратных сажени не встречался в хозяйстве, являясь *тоги бонцау* – т.е. участком, “который давался за кровь убитого” (Гутнов 2012: 83–84). Также он приводит архивные сведения, согласно которым мера в один день разной полевой работы (пахоты, покоса) была частью ренты, выплачивавшейся “пришельцами” в пользу тагаурских алдаров Кануковых как владельцев “аула на р. Гизель” (Там же: 92). Это позволяет видеть в понятии *бонгенд/бонцау* универсальную меру стоимости, использовавшуюся не только при расчетах величины выкупа за кровь, но и при определении величины повинностей зависимых сословий, которые те могли нести в пользу владельца.

Таким образом, можно утверждать, что в юридическом аспекте понятие *туджы бонгенд/тоги бонцау* представляло собой композицию, выплачивавшуюся в самые первые дни после убийства ближайшими родственниками убийцы, разделявшими с ним одно имение (“один очаг” или “один котел”). Получателями этой выплаты были в свою очередь ближайшие родственники убитого, у которых родственники убийцы этим выкупали свою кровь, в противном случае они оказывались под кровомщеньем. Следует понимать, что эти выплаты не являлись материальной компенсацией роду убитого (*тог фидын*), поскольку даже по их получении родственники убитого все равно имели право на разорение и присвоение имения убийцы вплоть до членов его семьи, исключая жену, а стоимость присвоенного не учитывалась в расчетах материальных выплат, если вражда заканчивалась примирением. Однако в случае получения выплат *туджы бонгенд/тоги бонцау* присвоение имения убийцы было возможно только до похорон убитого.

Связь с похоронами убитого и данным видом выплат имеется и у вайнахов. Например, у ингушей они именуются выплатами на “на саван” или “похоронными” выплатами. Такой вид выплат имел место у всех вайнахов, различаясь лишь количественно и по своему составу от общества к обществу. Добавим, что внесением этих выплат могли быть выкуплены не только жизни родственников убийцы, но и его собственная, однако жизнь убийцы выкупалась только на год. У тюркоязычных народов Кавказа и у некоторых народов Нагорного Дагестана данные выплаты были известны как *алум* (вероятно, к этому слову восходит *хьелам* ингушей), противопоставляясь выплатам

дият, представлявшим собой не выкуп своей крови родственниками убийцы, но выплаты ими материальной компенсации за жизнь (кровь) потерянного чужого родственника. Со времени активного и жесткого введения имамом Шамилем шариатного права, рассматривающего объектом кровомщения только непосредственного убийцу, различие между выплатами *алум* и *дият* стало стираться. В еще большей степени эти два вида выплат (выкуп крови и материальная компенсация за кровь) перестали различаться после установления российской системы военно-народного управления, охватившей собой уже не только Дагестан и Чечню, но и весь Кавказ, тогда как до ее введения существовало их четкое различие. Так, у адыгских народов (кабардинцев) известна выплата под названием *унэимык ЫтциЦэ* (“плата за право оставаться дома”), внося которую родственники убийцы покупали у рода убитого свое право не отправиться в изгнание с кровником и остаться в живых. Наряду с этой выплатой существовала выплата *лбы уасэ*, являвшаяся материальной компенсацией роду убитого за потерянную кровь.

Представляет интерес наличие у осетин меры стоимости, определявшейся посредством относительно фиксированной земельной площади, тогда как в композициях их непосредственных соседей (ингушей и кабардинцев) такая мера стоимости при определении как выкупных, так материально-компенсационных выплат почти отсутствует, а в некоторых обществах Нагорного Дагестана, наоборот, имеет конкретные величины. Однако это тема отдельного исследования. Отметим лишь, что у осетин выплата *туджы бонганд/тоги бонцау* имеет устойчивую традицию, фиксируясь в третейских разбирательствах “кровных дел” вплоть до начала XX в.

Источники и материалы

- Адаты 1868 – Адаты и судопроизводство по ним (материалы для статистики Дагестанской области) / Сост. А.В. Комаров // Сборник сведений о кавказских горах. Вып. 1. Тифлис, 1868. С. 1–64.
- Адаты 1872 – Адаты жителей кумыкской плоскости // Сборник сведений о кавказских горах. Вып. 6. Тифлис, 1872. С. 1–20.
- Адаты 1875 – Адаты южно-дагестанских обществ // Сборник сведений о кавказских горах. Вып. 8. Тифлис, 1875. С. 1–72.
- Адаты 1882 – Адаты кавказских горцев / Сост. Ф.И. Леонтович // Материалы по обычному праву горцев Северного и Восточного Кавказа. Вып. 1. Одесса: Типография П.А. Зеленого, 1882.
- Адаты 1883 – Адаты кавказских горцев / Сост. Ф.И. Леонтович // Материалы по обычному праву горцев Северного и Восточного Кавказа. Вып. 2. Одесса: Типография П.А. Зеленого, 1883.
- Адаты 1899 – Адаты Дагестанской области и Закатальского округа / Под ред. И.Я. Сандрыгайло. Тифлис: Типография Канцелярии Главногоначальствующего гражданской частью, 1899.
- Алибеков* 1927 – *Алибеков М.* Адаты кумыков / Пер. Т.Б. Бейбулатова // Кумыкский мир. Культура, история современность. <http://kumukia.ru/article-13.html#01> (дата обращения: 21.03.2017).
- Белл* 1974 – Джемс Белл // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. / Под ред. В.К. Гарданова. Нальчик: Эльбрус, 1974. С. 458–531.
- Законы 2007 – Законы вольных обществ Дагестана XVII–XIX вв.: архивные материалы / Сост. Х.М. Хашаев. Махачкала: Эпоха, 2007.
- Кавказ 2010 – Кавказ: Адаты горских народов. Вып. 4. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2010.
- Лапинский* 1995 – *Лапинский Т.* Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. Описание очевидца Теофила Лапинского (Тэффик-бея) полковника и командира польского отряда в стране независимых горцев. В 2 т. / Пер. с нем. В.К. Гарданова. Т. 1–2. Нальчик: Эль-фа, 1995.

- Обозрение 1836 – Обозрение российских владений за Кавказом в статистическом, этнографическом, топографическом и финансовом отношениях. В 4 ч. Ч. 2. СПб.: Департамент внешней торговли, 1836.
- Пфаф* 1872 – *Пфаф В.* Народное право осетин (окончание) // Сборник сведений о Кавказе. Т. 2. Тифлис: Главное управление Наместника кавказского, 1872. С. 258–337.
- Руновский* 1860 – *Руновский А.* Канлы в немирном крае // Военный сборник. Т. 14. № 7. СПб., 1860. С. 199–217.
- Plini Secundi – Plini Secundi G. Naturalis Historiae. In 8 vols. / Edition de J. Sillig. Vol. 3. Hamburgi et Gothae, S. Friderici et A. Perthes, 1853.
- Baddeley* 1940 – *Baddeley J.F.* The rugged flanks of Caucasus. In 2 vol. Vol. 1. Oxford University Press; L.: Humphrey Milford, 1940.
- Bell* 1840a – *Bell J.S.* Journal of a Residence in Circassia during the Years 1837, 1888 and 1839. In 2 vols. Vol. 1. L.: E. Moxon, 1840.
- Bell* 1840b – *Bell J.S.* Journal of a Residence in Circassia during the Years 1837, 1888 and 1839. In 2 vols. Vol. 2. L.: E. Moxon, 1840.

Научная литература

- Абаев В.И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка в IV т. Т. I. М.:Л.: АН СССР, 1958.
- Агларов М.А.* Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII – начале XIX в. М.: Наука, 1988.
- Бекмурзин-Ногмов Ш.* История адыгейского народа, составленная по преданиям кабардинцев / Под ред. А. Берже. Тифлис: Главное управление Наместника кавказского, 1861.
- Бекова А.И., Дударов У.Б., Илиева Ф.М., Мальсагова Л.Д., Тариева Л.У.* Ингушско-русский словарь. Нальчик: Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г., 2009.
- Бобровников В.О.* Мусульмане Северного Кавказа: обычай, право, насилие. Очерки по истории и этнографии права Нагорного Дагестана. М.: Восточная литература, 2002.
- Бобровников В.О.* (ред.). Обычай и закон в письменных памятниках Дагестана V – начала XX в. Т. 1: До присоединения к России. М.: Марджани, 2009а.
- Бобровников В.О.* (ред.). Обычай и закон в письменных памятниках Дагестана V – начала XX в. Т. 2: В царской и ранней советской России. М.: Марджани, 2009б.
- Бобровников В.О., Бабич И.Л.* (ред.). Северный Кавказ в составе Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2007.
- Боголюбов А.С.* Дийя // Ислам: энциклопедический словарь. М.: Наука, 1991.
- Гочияева С.А., Суюнчев Х.И.* Карачаево-балкарско-русский словарь. М.: Русский язык, 1989.
- Грабовский Н.Ф.* Очерк суда и уголовных преступлений в Кабардинском округе // Сборник сведений о кавказских горцах. Выпуск 4. Тифлис, 1870. С. 1–78.
- Гутнов Ф.Х.* Обычное право осетин. Часть I. Адагы тагаурского общества (список Норденстренга. 1844 г.). Владикавказ: СОИГСИ, 2012.
- Гутнов Ф.Х.* Адагы осетин: историографические заметки // Известия СОИГСИ. 2013. № 10 (49). С. 31–56.
- Дзадзиев А.Б., Дзуцев Х.В., Караев С.М.* Этнография и мифология осетин. Краткий словарь. Владикавказ: ИПП им. В.А. Гасиева, 1994.
- Дмитриев В.А.* Адагы и шариат у кавказских горцев // Россия и Кавказ – прошлое и настоящее. История, обычай, религия. СПб, 2006. С. 71–90.
- Емельянов В.В.* Древний шумер. Очерки Культуры. СПб.: Петербургское востоковедение, 2001.
- Исмаилов М.А., Багомедова Л.С.* Институты обычного права народов Дагестана: кровная месть – механизм действия и принцип реализации // Северокавказский юридический вестник. 2012. № 4. С. 41–50.
- Казиев Э.В.* Джон Фредерик Бэддли – исследователь России // Вестник СОГУ. Ответственные науки. 2014. № 2. С. 15–19.

- Казиев Э.В. Порядок выплат за кровь в системе традиционного права осетин на рубеже XIX–XX вв. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. № 5 (79). Тамбов: Грамота, 2017. С. 76–78.
- Калоев Б.А. Осетины: историко-этнографическое исследование. М.: Наука, 2004.
- Каринов С. Кровная месть у осетин // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Т. 44. Отдел 2. Тифлис, 1915. С. 170–210.
- Карнов Ю.Ю. Взгляд на горцев. Взгляд с гор: мировоззренческие аспекты культуры и социальный опыт горцев Дагестана. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2007.
- Ковалевский М.М. Современный обычай и древний закон. Обычное право осетин в историко-сравнительном отношении. Т. 1. М.: В. Гатцук, 1886а.
- Ковалевский М.М. Современный обычай и древний закон. Обычное право осетин в историко-сравнительном отношении. Т. 2. М.: В. Гатцук, 1886б.
- Ковалевский М.М. Закон и обычай на Кавказе. Т. 2. М.: Мамонтов и К°, 1890.
- Косвен М.О. Этнография и история Кавказа. М.: Восточная литература, 1961.
- Ладыженский А.М. Адагы горцев Северного Кавказа / Подг. текста и комм. И.Л. Бабич. Под общ. ред. А.С. Зайналабидова, В.В. Черноуса. Ростов-на-Дону: СКНЦ ВШ, 2003.
- Лавров Л.И. Убыхи: историко-этнографическая монография. СПб.: Наука, 2009.
- Лугуев С.А., Гимбатова М.Б. Традиционные обряды примирения кровников у тюркоязычных народов Дагестана (XIX–начало XX в.) // Вестник ИИАЭ. 2012. № 4. С. 63–70.
- Магомедов А.Г. Кумыкско-русский словарь / Под ред. З.З. Баматова. М.: Советская энциклопедия, 1969.
- Магомедов А.Х. Общественный строй и быт осетин (XVII–XIX вв.). Орджоникидзе: Ир, 1974.
- Мамакаев М.А. Чеченский тайп в период его разложения. Грозный: Чечено-Ингушское книжное изд-во, 1973.
- Мусукаев А.И., Першиц А.И. Народные традиции кабардинцев и балкарцев. Нальчик, 1992.
- Обнорский Н.П. Югер // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 81. СПб.: Брокгауз и Ефрон, 1904.
- Петухов П. Очерк Кайтаго-Табасаранского округа // Кавказ. 1867. № 12.
- Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков (Общетюркские и межтюркские основы на гласные). М.: Наука, 1974.
- Унежев К.Х. Культура адыгов (черкесов) и балкарцев. Нальчик: Эль-фа, 2003.
- Чеджемов С.Р. Принцип талиона и ордалии в обычном праве осетин // 3 Миллеровские чтения. Владикавказ: СОИГСИ. 2012. С. 151–166.
- Dilke O.A.W. Mathematics and Measurement. Berkeley: University of California Press; L.: British Museum, 1987.

Research Article

Kaziev, E.V. The Concept of *Bongaend* in Payment Procedures for Murder in the 19th Century Ossetian Customary Law System [Poniatie *bongaend* v poriadkakh vyplat za ubiistvo v sisteme obychnogo prava osetin XIX stoletia]. *Etнографическое обозрение*, 2018, no. 4, pp. 136–151. <https://doi.org/10.31857/S086954150000411-2> ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology

Edward Kaziev | <http://orcid.org/0000-0003-4386-248X> | kedmon@rambler.ru | Institute of History and Archaeology of the Republic of North Ossetia – Alania (46 Vatutina St., Vladikavkaz, Republic of North Ossetia – Alania, 362025, Russia)

Keywords

North Caucasus, adat, murder, blood feud, compositions

Abstract

The study compares payment procedures for the murder adopted among Ossetians and other peoples of the North Caucasus. It is argued that there were two different types of compositions in these procedures that were paid by relatives of the murderer to relatives of the murdered: the redemption of own blood and the material compensation for bleeding. It is assumed that the first type of the payments among Ossetians was designated by the word *bongænd* denoting an arable measure. It is pointed out that the almost complete absence of such a measure of value in the calculation of payments for murder among the Ossetians' nearest neighbors (Ingushes and Kabardians) may be of interest as a subject for further research.

DOI: 10.31857/S086954150000411-2

References

- Abaev, V.I. 1958. *Istoriko-etimologicheskii slovar' osetinskogo yazyka* [Historical and Etymological Dictionary of the Ossetian Language]. Vol. 1. Moscow: AN SSSR.
- Aglarov, M.A. 1988. *Sel'skaia obshchina v Nagornom Dagestane v XVI – nachale XIX v.* [Rural Community in Nagorno-Dagestan in the 17th – Early 19th Centuries]. Moscow: Nauka.
- Bekmurzin-Nogmov, Sh. 1861. *Istoriia adygeiskogo naroda, sostavlennaia po predaniiam kabardintsev* [The History of the Adyghe People, Compiled According to the Legends of Kabardians], edited by A. Berzhe. Tiflis: Glavnoe upravlenie Namestnika kavkazskogo.
- Bekova, A.I., U.B. Dudarov, F.M. Ilieva, L.D. Mal'sagova, and L.U. Tarieva. 2009. *Ingushsko-russkii slovar'* [Ingush-Russian Dictionary]. Nal'chik: Respublikanskii poligrafkombinat imeni Revoliutsii 1905 g.
- Bobrovnikov, V.O. 2002. *Musul'mane Severnogo Kavkaza: obychai, pravo, nasilie. Ocherki po istorii i etnografii prava Nagornogo Dagestana* [Custom, Law and Violence among the North Caucasian Muslims (Studies in History and Ethnography of Law in Highland Dagestan)]. Moscow: Vostochnaia literatura.
- Bobrovnikov, V.O., ed. 2009. *Obychai i zakon v pis'mennykh pamiatnikakh Dagestana V – nachala XX v. Vol. 1: Do prisoineniia k Rossii* [Custom and Law in Dagestan Records of the 5th – Early 20th Centuries. Vol. 1: Before Joining Russia]. Moscow: Mardzhani.
- Bobrovnikov, V.O., ed. 2009. *Obychai i zakon v pis'mennykh pamiatnikakh Dagestana V – nachala XX v. Vol. 2: V tsarskoi i rannei sovetskoi Rossii* [Custom and Law in Dagestan of the 5th – Early 20th Centuries. Vol. 2: In Tsarist and Early Soviet Russia]. Moscow: Mardzhani.
- Bobrovnikov, V.O., and I.L. Babich, eds. 2007. *Severnyi Kavkaz v sostave Rossiiskoi imperii* [North Caucasus in the Russian Empire]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Bogoliubov, A.S. 1991. Diya. In *Islam: entsiklopedicheskii slovar'* [Islam: Encyclopaedia]. Moscow: Nauka.
- Chedzhemov, S.R. 2012. Printsip taliona i ordalii v obychnom prave osetin [Principle of Talion and Ordeal in Common Law of the Ossetin]. In *3 Millerovskie chteniia*. [The 3rd Readings in Memory of V. Miller], 151–166. Vladikavkaz: Severo-Osetinskii institut gumanitarnykh i sotsial'nykh issledovanii.
- Dilke O.A.W. 1987. Mathematics and Measurement. Berkeley: University of California Press.
- Gochiaeva, S.A., and Kh.I. Suiunchev. 1989. *Karachaevo-balkarsko-russkii slovar'* [Karachay-Balkar-Russian Dictionary]. Moscow: Russkii yazyk.
- Grabovskii, N.F. 1870. Ocherk suda i ugovolnykh prestuplenii v Kabardinskom okruge [Study of Court and Criminal Offenses in the Circuit of Kabarda]. In *Sbornik svedenii o kavkazskikh gortsakh* [Collected Materials about the Caucasian Mountaineers], 4: 1–78. Tiflis.
- Gutnov, F.Kh. 2012. *Obychnoe pravo osetin. Part 1. Adaty tagaurskogo obshchestva (spisok Nordenstrenga. 1844)* [Common Law of Ossetians. Part 1. Adats of Tagaur Society (list of

- Nordenstreng. 1844)]. Vladikavkaz: Severo-Osetinskii institut gumanitarnykh i sotsial'nykh issledovaniĭ.
- Gutnov, F.Kh. 2013. Adaty osetin: istoriograficheskie zametki [Adats of Ossetians: Historiographical Notes]. In *Izvestiia Severo-Osetinskogo instituta gumanitarnykh i sotsial'nykh issledovaniĭ* 10 (49): 31–56.
- Dzadzaziev, A.B., Kh.V. Dzutsev, and S.M. Karaev. 1994. *Etnografiia i mifologiiia osetin. Kratkii slovar'* [Ethnography and Mythology of the Ossetin: A Brief Dictionary]. Vladikavkaz: Izdatel'sko-poligraficheskoe predpriiatie imeni V.A. Gasieva.
- Dmitriev, V.A. 2006. Adaty i shariat u kavkazskikh gortsev [Adats and Sharia of Caucasia Highlanders]. In *Rossia i Kavkaz – proshloe i nastoiashchee. Istoriia, obychai, religiiia* [Russia and the Caucasus – the Past and the Present: History, Custom, Religion], 71–90. St. Petersburg, 2006.
- Emelianov, V.V. 2001. *Drevnii shumer. Ocherki Kul'tury* [Ancient Sumer: Essays on Culture]. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie.
- Ismailov, M.A., and L.S. Bagomedova. 2012. Instituty obychnogo prava narodov Dagestana: krovnaia mest' – mekhanizm deistviia i printsip realizatsii [Dagestan Peoples' Common Law Institutes: Blood Revenge – Mechanism of Action and Principle of Implementation]. *Severo-kavkazskii iuridicheskii vestnik* 4: 41–50.
- Kaloev, B.A. 2004. *Osetiny: istoriko-etnograficheskoe issledovanie* [Ossetians: Historical and Ethnographic Study]. Moscow: Nauka.
- Karginov, S. 1915. Krovnaia mest' u osetin [Blood Vengeance among the Ossetians]. In *Sbornik materialov dlia opisaniia mestnostei i plemen Kavkaza* [Collected Materials for Description of Caucasia Territories and Tribes], 44 (2): 170–210. Tiflis.
- Karpov, Yu.Yu. 2007. *Vzgliad na gortsev. Vzgliad s gor: mirovozzrencheskie aspekty kul'tury i sotsial'nyi opyt gortsev Dagestana* [A Look at the Mountaineers. A Look from the Mountains: World Outlook Aspects of Culture and Social Experience of Dagestan Mountaineers]. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie.
- Kaziev, E.V. 2014. John Frederick Baddeley – issledovatel' Rossii [John Frederick Baddeley – an Explorer of Russia]. *Vestnik SOGU. Obshchestvennye nauki* 2: 15–19.
- Kaziev, E.V. 2017. Poriadok vyplat za krov' v sisteme traditsionnogo prava osetin na rubezhe XIX–XX vv. [Restitution Procedure in Ossetian Traditional Law at the Turn of the XIX–XX Centuries]. In *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i iuridicheskie nauki, kul'turologiia i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice], 5 (79): 76–78. Tambov: Gramota.
- Kovalevskii, M.M. 1886. *Sovremennii obychai i drevnii zakon. Obychnoe pravo osetin v istoriko-sravnitel'nom otnoshenii* [Modern Custom and Ancient Law. Common Law of the Ossetian in the Historical-Comparative Relation]. Vol. 1. Moscow: V. Gattsuk.
- Kovalevskii, M.M. 1886. *Sovremennii obychai i drevnii zakon. Obychnoe pravo osetin v istoriko-sravnitel'nom otnoshenii* [Modern Custom and Ancient Law. Common Law of the Ossetian in the Historical-Comparative Relation]. Vol. 2. Moscow: V. Gattsuk.
- Kovalevskii, M.M. 1890. *Zakon i obychai na Kavkaze* [Law and Custom in Caucasia]. Vol. 2. Moscow: Mamontov i K^o.
- Kosven, M.O. 1961. *Etnografiia i istoriia Kavkaza* [Ethnography and History of Caucasia]. Moscow: Vostochnaia literatura.
- Ladyzhenskii, A.M. 2003. *Adaty gortsev Severnogo Kavkaza* [Adats of the Mountaineers of Northern Caucasia], edited by I.L. Babich. Rostov-na-Donu: Severo-kavkazskii nauchnyi tsentr Vysshei shkoly.
- Lavrov, L.I. 2009. *Ubykhi: istoriko-etnograficheskaia monografiia* [Ubykhs: A Historical and Ethnographic Monograph]. St. Petersburg: Nauka.
- Luguev, S.A., and M.B. Gimbatova. 2012. Traditsionnye obriady primireniia krovnikov u tiurkoiazychnykh narodov Dagestana (XIX – nachalo XX v.) [Traditional Rites of Reconciliation of Blood Families Feud among Dagestan the Turkic-Speaking Peoples (XIX – Beginning of XX Centuries)]. *Vestnik IIAE* 4: 63–70.

- Magomedov, A.G. 1969. *Kumyksko-russkii slovar'* [Kumyk-Russian Dictionary], edited by Z.Z. Bamatov. Moscow: Sovetskaia entsiklopediia.
- Magometov, A.Kh. 1974. *Obshchestvennyi stroi i byt osetin (XVI–XIX vv.)* [Social Order and Life of Ossetians (XVII – XIX Centuries)]. Ordzhonikidze: Ir.
- Mamakaev, M.A. 1973. *Chechenskii taip v period ego razlozheniia* [Chechen Taip in the Period of its Decay]. Grozny: Checheno-Ingushskoe knizhnoe izdatel'stvo.
- Musukaev, A.I., and A.I. Pershits. 1992. *Narodnye traditsii kabardintsev i balkartsev* [Folk Traditions of Kabardians and Balkarians]. Nalchik, 1992.
- Obnorskii, N.P. 1904. Yuger [Jugerum]. In *Entsiklopedicheskii slovar' Brokgauza i Efrona* [The Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary]. Vol. 81. St. Petersburg: Brokgauz i Efron.
- Sevortian, E.V. 1974. *Etimologicheskii slovar' tiurkskikh yazykov (obshchetiurkskie i mezhtiurkskie osnovy na glasnye)* [Etymological Dictionary of the Turkic Languages (Common Turkic and Inter-Turkic Stems Beginning with Vowels)]. Moscow: Nauka.
- Unezhev, K.Kh. 2003. *Kul'tura adygov (cherkesov) i balkartsev* [Culture of Adyghe (Circassians) and Balkarians]. Nalchik: El'fa.